

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Экономический факультет
Лаборатория философии хозяйства**

Ю.М. Осипов

Софиасофия хозяйства

**как
инознание
и
инонезнание**

(материал к размышлению)

Москва

2023

Какое счастье, что не все и не сразу понимают Слово!

Ю. Семёнов

Победа, коли она вдруг в Слове случается,
бывает по обыкновению не с нами, а *за* нами.

Новый Екклесиаст

Нам не дано предугадать, как Слово наше отзовется.

Ф. Тютчев

Когда-то известный историк, литератор и публицист XIX в. М. Погодин записал в дневнике после заседания «кружка любомудров», состоявшегося в доме у поэта Д. Веневитинова, где присутствовал и А. Пушкин: *«Пушкин демонстрировал против немецкой философии»*. Любопытная во всех отношениях запись, не правда ли? Русский поэт, не только не профессиональный философ, но даже не выпускник университета, однако самодостаточный мыслитель от Бога, до семи лет, кстати, не говоривший по-русски и в лицее прозывавшийся друзьями «французом», то бишь вполне себе русский европеец, выражал несогласие... нет, не с материализмом или тем же ещё не явившимся на свет марксизмом, а... *вообще* против *всей* немецкой философии, включая и, как совсем недавно у нас говаривали, её идеалистическую, как уже стало принято говорить ныне, составляющую.

Думаю, что Пушкина не устраивала не так сама по себе немецкая философия (чего на просвещённом Просвещением евросвете тогда не бывало!), как сам просвещенческий подход к восприятию реальности, не то что бывший слишком европейским, по сути-то и местническим, сколько принципиально... э-э... нет, не всего лишь ошибочным — этого мало!, а, ежели исходить из взглядов и творчества зрелого Пушкина, *неверным*, но не относительно чьей-либо во что-то веры или какой-то ещё сторонней идеологии, нет, не относительно вообще чьих-либо и где-то там идеократических представлений, включая и отечественные (говорил-то Пушкин среди русских-де «любомудров»!), а, надо полагать, относительно... *самой реальности*, что то же самое — человека, жизни,

бытия, мироздания, Бога, причём говорил, разумеется, не затрачивая всего этого из понятийно-категориального (Пушкин не был и не мог быть метафизическим начётчиком), а пытался, видно, сказать, что не в философии, включая и немецкую, дело-то, а в *Тайне* — ТАЙНЕ!, причём сразу всего вокруг, которую никакой не то что рассудочной философии, но даже и мифотварной религии не разгадать, как и вообще никакой откровенческой концептуальностью не заместить.

Сокровенное, хоть и приоткрывается откровению, но никаким откровенным вполне ведь не замещается!

Так ли именно размышлял демонстративный Пушкин или нет, мы наверняка не знаем, но более или менее представляя себе Пушкина как беспрецедентно-трансцендентное на русском словесно-смысловом небосклоне явление, вправе предположить, учитывая, что все русские мыслители-словесники, даже и считавшие себя западниками, даже и несчастные модернистские ХХ в. ниспровергатели Пушкина, пытавшиеся сбросить его с «корабля современности», все они вышли из-под обмакнутого в чудодейственные чернила острия пушкинского пера, можно вполне достоверно утверждать, что Пушкин имел тогда в виду вовсе не логику бытия, а как раз... её — логики — *отсутствие*, тем более в германо-европейско- философском образе, ибо, продолжая наше в том убеждение, для Пушкина то же, к примеру, $2 \times 2 = 4$ было в хомо-социальной реальности не более чем частным случаем, а вот $2 \times 2 = \dots X$ — вполне себе адекватной для человеческого, да и вообще всякого бытия, алгоритмикой, а для нас — *металогической*, а для простоты восприятия — *логично-нелогичной*, как раз и диалектичной, сочетавшей в одном хомо-социальном бытийственном флаконе сразу полагание чего-либо и его же отрицание, вроде той же пирровой победы.

Пушкин, в отличие от тех же немецких философов и их русских последователей, ничего не выдумывал для хомо-социальной реальности из логического, закономерностного, механического, хотя, надо полагать, и не отрицал наличия всего подобного в окружающей реальности, конечно же, либо как сугубо частных случаев, либо же как навязываемой «неправильной»-де

живой реальности «правильной»-де пруссаческой мертвечиной: Пушкин видел насквозь хомо-социальную реальность, и не только, заметим, русскую, как бы и безалаберную, но и «ихнюю» — по-европейски де правильную (немецкую, французскую, английскую, католическую, протестантскую, светскую, атеистическую, всё одно!), хоть в Европе Пушкин ни разу не был, даже в Варшаве не был, не то что в Риге (да и зачем, коли он был... *Пушкин!*); а почему же всё-таки он видел сложность, неопределённость, неуловимость бытия? — да всё потому, что *сам был... целым бытием*, а выразить своё сакральное единение с бытием вообще мог не специализированно философски, а всего лишь свободно поэтически, хоть в стихах при этом, хоть в прозе, а главное — не столько словами отыскать и выразить, сколько почувствовать без слов и преподнести засловно, то бишь молча, немотно, отчего и... *незнамо как*: ведически, волхвически, сказочно!

«*Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!*» — факт, который не просто знал Пушкин из предковской мудрости, а который вполне признавался Пушкиным за истину, а по-нашему — за *метадогматическую истину*, позволявшую не только увидеть реальность *иной* — не германо-философической, как минимум, но и незримо разглядеть прячущееся в реальности субстанциальное, хоть и спиритуальное, и эфирное, и эфемерное, и вообще никакое, *Иное*, как и неощутимо ощутить стоящую за реальностью и на неё непрерывно воздействующую хоть и не субстанциальную, как *Иное*, а вполне себе и «пустую», следственно, совсем уж «никакую», *Неизвестность*, это уже как максимум!

Иное и Неизвестность!

Да, Пушкин об этом всё именно *так*, конечно, не говорил, как и об этом именно *так*, наверное, и не думал, да ведь не суть важно, что говорил и не говорил, что думал и не думал Пушкин, ибо тут важно, что думаем и говорим мы сами вослед Пушкину, находя поддержку и у многих других русских мыслителей — ментальных сынов Пушкина, отчего и наших воззренческих предшественников, таких как Вл. Соловьёв, Н. Данилевский, К. Леонтьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, И. Солоневич, да и

литераторов — Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, А. Блока, С. Есенина, А. Толстого, М. Булгакова, А. Платонова, И. Бабея, М. Шолохова.

Однако, заметим сразу, что именно *так* — *Иное* и *Неизвестность*, да ещё и в *такой* их трактовке вообще-то никто до нас и не говорил, во всяком случае сие нам не известно, хотя известно другое — об этом заговорила в один прекрасный момент сама *Реальность*, разумеется, открывшись на тот момент достаточно подготовленному её воспринимателю, довольно прошедшему через иные восприятия, ему загодя по возрасту, образованию и чтению данные, однако вполне его в связи с откровенческими перед его глазами и когнитивом событиями 1980—1990—2000-х гг. не устроившие и им как раз через посредство обращения напрямую к разверзшейся вдруг Реальности преодолённые.

Отчего же случилось так, как случилось?

Не так, знаете ли, по причине философии, как, не поверите, по интенциям... *хозяйства*, конечно же, открывшегося автору сего текста сначала как неоднозначное, страдное и страдательное *жизнеотправление* человека и всего живого на планете Земля, затем как жизнеотправление самой планеты Земля, как и ближайшего к ней космоса, но — ещё не всё! — и всего, знаете ли, мироздания, мало того, и Господа Бога тоже!

Мироздание, оно же и мирозидание, пусть и не без мироразрушения — *хозяйство*; планета Земля со своим космосом — *тоже*; реализация Бога-Творца с его человечеством — тоже ведь *хозяйство*; ну а реализация человечества вкупе с природой, планетой и ближним космосом, не говоря уж о Боге и том же Его противнике — диаволе, само собой не что иное, как *хозяйство*.

Вся вокруг вообще Реальность — *хозяйство*, как и вся ирреальность тоже, а целью, или даже задачей, всего этого хозяйства является, о чём может судить человек, удержание Реальности как (в виде-образе) реальности, не без участия, конечно, ирреальности, что возможно, во-первых, в движении (движениях) Реальности, во-вторых, в её изменении (изменениях), в-третьих, с частичными утратами Реальности и её в себя притоками, в-четвёртых, с рожденьями, наличествованием и смертями всего из реального, что как раз и означает присутствие в Реальности, рядом с нею и вокруг неё *Неизвестности* и *Иного*,

когда первая, оборачиваясь *Вечностью*, позволяет Реальности *быть*, а второе, оборачиваясь *Временем*, заставляет Реальность быть непременно *динамичной, изменчивой и смертной*, однако и *возрождающейся, бытийствующей, экзистенцирующей*.

Неизвестность — потенциальный «материал» Реальности, Иное — действующий от Неизвестности аттрактор Реальности. То и другое трансцендентно, и человеку (сознанию) является как *незнаемое* прямо из сферы *Незнания*, однако, пронзая насквозь самого человека с его сознанием, позволяет человеку всё-таки знать о наличии всего этого незнаемого и его непреходящем значении для Реальности вкупе с человеком и его сознанием, отчего и *хозяйственно мифологизировать, и мифотворчески хозяйствовать*, созидавая *своё и только своё мифологизированное бытие*, пусть и походя принимаемое человеком за истинную реальность.

Да, человек хозяйствующий много чего знает — как же иначе хозяйствовать, следственно, и жить? Он трудится, творит, вытворяет, но и, вооружённый знаниями, *со-творяет*, участвуя и продолжая, как ему кажется и не кажется, Творение Божие, а может, он делает всё это, покоряя, как ему кажется и не кажется, Природу, Землю, космос и в той или иной мере вопреки Божиему замыслу, немало ориентируясь, сознавая это или нет, и на интенции противника Божиего — *дьявола*, — кто знает!, а что касается человека, то он, хоть достоверно ничего такого не зная — что из первого, что из второго, действует себе и действует, накапливая доступные ему эффективные знания, их со знанием хозяйственного дела применяя и применяя, чем и созидавая свой — *очеловеченный* — мир, да не только выводя его из себя, но и из Природы, из Земли, из космоса.

Не слабо, правда?! А ещё более не слабо то, что, хозяйствуя и творя, человек, вроде бы всё для этого зная, не знает всё-таки одного — *а что* — ЧТО! — он на самом-то деле в итоге творит, а ведь творение его, уже давненько вышедшее за пределы Природы, Земли, космоса, сейчас выходит с судьбоносным увлечением человека «искусственным разумом» и за пределы *самого человека как человека*, вновь поставив сакраментальный вопрос о *природе и сути человека как человека*: в каком же из исторических типов человека больше всего

человеческого — в неандертальце, кроманьонце, нынешнем «гуманоиде» или же в подступающем чипизированном «робó»?

Так или иначе, несмотря на свои великие познания и не менее великие деяния, человек, хозяйствуя и творя, действует если и не в полной знаниевой темноте, то уж и не на полном знаниевом свете, хоть и явно зная что-то, однако в лоне всё-таки сакрального незнания, причём такого незнания, которое хоть и открывается человеку по мере и в меру его творческого хозяйствования, но не настолько, чтобы открыть человеку саму Тайну мироздания, остающуюся человеку, несмотря на все его познания, действия и творения, совершенно в исходе и в главном не известной, что и подводит воодушевлённого своим творческим хозяйственным энтузиазмом человека... нет, вовсе не к разгадке сей Великой Тайны, а всего лишь к... *неизбежному в таком разе столкновению хозяйствующего человека с этой Великой Тайной*, что то же самое — Известного с Неизвестным, Этого с Иным, Бытия с Небытием, Времени с Вечностью, а вот с каким исходом для человека и его хозяйства, то вряд ли стоит надеяться на какую-либо заманчивую для человека экзистенциальную альтернативу, кроме хозяйственного для человечества эсхатологического Конца!

Тут самое *оно* — ОНО! — заметить, что *творя* (именно *творя*, а не просто ведя) хозяйство, человек *творит* доступную ему реальность, включая и *самого себя*, не удовлетворившись данной ему Богом (мирозданием) природной реальностью и вступив на путь порождения новой реальности, не только переделывая и преобразуя природу в пределах природы, но и выйдя за её пределы, устремившись к *неприроде*, созида *свой*, вполне уже человеческий, *искусственный мир*, не остановившись и перед *обыскуствованием самого себя*, а это означает, что человек взял на себя функцию не просто солидарного Богу вспомогательного творца, а и в полной мере суверенного из себя *Творца*, возникшего поначалу вроде бы не более как участника и продолжателя Божиего Творения, а затем, что ясно демонстрирует евроцентрическая просвещенческая, а на самом-то деле богоотступническая и весьма просатаническая эпоха XVIII—XXI вв., самодовольного творца.

А теперь второе *оно* — ОНО!, как раз уже не так хозяйственно-деятельское, как *хозяйственно-осмыслительное*, обусловленное, с одной стороны, ясно обозначившимся новым функциональным образом человека как *неприродного* (или сверхприродного, при этом и антиприродного) *творца*, то бишь как уже *человека-нечеловека* (или даже *сверхчеловека*, при этом и *античеловека*), а с другой стороны — рождением в ментально-духовной (гуманитарной) сфере человеческой экзистенции наряду с мифологией, религией, философией как философией и наукой как наукой мало что нового, так ведь ещё и... *иного* течения мысли, как раз и поименованного ***философией хозяйства***, что объясняется, с одной стороны, хозяйственно-творцовскими достижениями человека, мало что создавшего свою целостную реальность, так ещё и рискованно-героически вышедшего за край данной ему и не воспринятой им как родной и вполне ему адекватной природной реальности (протореальности), а с другой — единственно возможным обращением на момент осмыслительного порыва человека в сторону своей хозяйственной миссии и её тревожно-поразительных итогов к наиболее свободному от априорной аксиоматики, не говоря о догматике, течению и образу мысли — *философии*, однако не как к новому разделу собственно философии и не как к строго философической манере размышления и описания, что очень важно подчеркнуть, а как к *самостному* наряду с мифологией, религией, философией и наукой идейно-концептуальному потоку агрегативной (целостной, холической) мысли.

Может, философия хозяйства и частность, но большая, самодостаточная, стволовая частность, не игнорирующая никакие другие частности, хоть большие, хоть малые, частично и ими пользующаяся, но при этом и уважающая саму себя, идентификационно относя себя к *самостоятельному потоку и образу мысли*, не испытывая при этом никакого комплекса неполноценности: у философии хозяйства есть что сказать *своего* из знания-незнания, причём выходящего за пределы общепринятых потоков знания-незнания, соответственно — из какого-то ***инознания-инонезнания***, не то что не бывшего ранее, а ежели и бывшего, то не скомпонованного в единое, особое, высокое знание, претендующее на *своё* понимание человека, жизни, мироздания, даже и самого Господа Бога (хотя бы

как сакрального хозяйствующего Субъекта-Творца), а критерием мало что особой особости и особой значимости, но и особой адекватности, постигаемой и по-своему отражаемой мировой реальности-ирреальности у философии хозяйства напрямую и в целом служит не что иное, как **София Премудрость Божия** — этот сакральный первоисточник мудрости, позволяющий человеку судить обо всём его познавательно занимающем, во-первых, как *не о своём только*; во-вторых, со стороны *Великой Неизвестности* и с учётом *Иного*; в-третьих, с первенством софийной премудрости, что то же самое — в русле **софиасофии**, что как раз и означает, что философия хозяйства если и со́фия, то иная со́фия, чем собственно философия, это какая-то *ино-со́фия*, а точнее *софийная со́фия*, где главную смысло-откровенческую нагрузку несёт не со́фия, а *соф́ия* — СОФ́ИЯ!, то бишь не так *от-человеческая*, как *вне-человеческая* мудрость, однако преломляющаяся в человеке и бытующая уже как и в чём-то человеческая *соф́ия*, разумеется, как соф́ия с маленькой буквы, а не с большой — как сакральная *Соф́ия!*

Софиасофия!

Не будет сильным (и лишним!) преувеличением сказать, что *это* — ЭТО! — высшее на сей момент достижение вдохновлённого свыше человеческого разума, точнее, сознания — и ежели с наукой и философией тут более или менее ясно — софиасофия их попросту преодолевает, вовсе при этом не отрицая и не избегая — то с богословием, или религиозным знанием-незнанием, у софиасофии несколько иные взаимоотношения — не так тут преодоление, и уж тем более не отрицание, как, если так можно выразиться, обход цементирующей богословие догматики, как раз тот самый обход, позволяющий, свободно вникая в текущую (протекшую, ныне текущую, возможную в будущем) реальность, *по-иному* судить о ней, исходя при этом *из неё самой* — *из реальности* — из РЕАЛЬНОСТИ!, избегая любую догматику и не избегая прямого и непрерывного погружения в реальность, которая не просто есть как есть, даже и как делаемая человеком (с умом и безумием, сознательно и бессознательно, лояльно и враждебно, альтруистически и с ненавистью), но и которая сама о себе и о человеке тоже «думает», пусть и по-другому, чем человек,

вроде бы как стихийно-объективно, но ведь думает же — *думает!*, отвечая человеку позитивом, негативом, нейтралом, а то и ненавистью вперемежку с мезтью, а всё почему?, — да всего лишь потому, что человек, влияющий на текущую реальность, не особенно задумывается над тем фактом, что в ней, этой текущей реальности, таится и действует информация ото всего сразу — от прошлого, настоящего и будущего; от локального, мирового и сверхмирового; от Бездны, Преисподней и Небес; от Иного, Неизвестности и Трансценденции, от Времени и Вечности, даже и от самой Вселенской Тайны, отчего взаимодействовать с реальностью — что с тигром в клетке, хоть в ржавой, хоть в золотой, играть, если не со Змием многоголовым прямо у него в логове «товарищески» общаться за званым обедом... бац!, и вот оно — *Иное*, уже как *иное самой реальности*, да мало что *иное*, так ведь ещё и *коварно-роковое иное* — кто из человеков, не говоря уж о разного рода правителях, сего не испытал, а-а?

Вот потому-то и *софиасофия* — СОФИАСОФИЯ!, которая, конечно, не ответит раз и навсегда на «вечные вопросы», ибо и не должна этого делать, не имея на то полномочий от Софии и Господа Бога, не говоря о мироздании, а вот подвести к благоразумию при *игре с реальностью* (а ведь тут, знаете ли, и в самом деле *игра* — на удачу с победой, на проигрыш с бедой, как и на вылет в тартарары тоже) софиасофия, не обременённая догматикой, но при этом обременённая сакральной *мерой* — МЕРОЙ!, всё-таки может, что, кстати, и всегда было свойственно действующим среди реальности носителям первопрестольной мудрости.

А что сегодня, что видит и что может сказать обогащённая софиасофией философия хозяйства, враз превратившись во мгновение всевидящего, мудрого и своевольного ока в *софиасофию хозяйства*?

Нет, конечно, не только то, что мир зёмный в кризисе и ломке; что мир зёмный ныне на экзистенциальном краю, может, и не на последнем, да не так от угрозы ядерного себя сноса, как от самопревращения в тотально-техногенный мир, захватывающий в себя и самого человека, обращая его в пока ещё человекообразного, а затем и вполне себе электронно-механического

технотроника; что мир зёмный ныне уже мир без явного будущего — как наличествующей неперенности, и т. д., и т. п., нет, конечно, не только, вовсе не только это может ныне сказать философия хозяйства, она же и отныне *софиасофия хозяйства* — тут главное в другом, что как раз и может сказать сейчас вслед автору библейского «Апокалипса» и в унисон с первооткрывателем философии хозяйства и первоадептом её софийности С.Н. Булгаковым только софиасофия хозяйства, правда, с условием признания её как необходимой и неизбежной в глобальное технотронное время воззренческой неперенности с откатом вон высокомерного к ней презрения, как к мешающей ходу (бегу) человека в «светлое технотронное будущее» и самой что ни на есть опасной для главенствующего обыденного сознания и расцветшего обывательского благополучия ментально-прогностической угрозы.

О чём же речь?

Да не более и не менее, как о возможности, пусть и кажущейся призрачной... *преображения человека* ещё в *Этом* — зёмном, нашем, человеческом — мире, а не в каком-то там *Ином*, хошь-не хошь, а всё-таки не нашем, не человеческом, не полнокровном, даже не в телесном и не в вещном, не в природном — земляном, растительном, водяном, кремнистом, не в небесном.

Да, о *преображении* тут речь — ПРЕОБРАЖЕНИИ!

И не по чьему-либо на Земле хотению, а как раз совсем даже не по хотению — кроме, разве, по желанию Господа Бога! — а по *жесточайшей необходимости*, мало того, не чудесным вовсе образом, не «по щучьему велению», не сказочно, даже и не (тем более *не!*) по-научному, расчетному, программному, а в долгой ожесточённой и изматывающей борьбе, может, немало и случайно, казусно, вопреки, даже и чему-то назло, да и в борьбе не так с кем-то или с чем-нибудь внешним, а в борьбе с *самим же собою и своим же миром*, совершенно, знаете ли, вроде бы человеческим по происхождению и принадлежности, но вдруг обернувшимся против самого же человека и весьма уже античеловеческим по сути — как раз уже *антимиром*, основательно пораженном, включая и самого человека, самым что ни на есть реальным, а вовсе

не мифотворным, не сказочным и даже не только теологически обоснованным *сатанизмом*.

Сатана — вовсе не только мифологический герой, а действующий в реальном человеческом мире реальный трансцендентный субъект, конечно, исходно не материальный, не организменный, не объектный, а идеальный, сознаниевый, ноосферный, который, реализуясь в продуцируемом самим же человеком *сатанизме*, есть дух, сила, энергия, ещё и текст, образ, сюжет, а вовсе не только, как обычно кажется, призрак, тень, галлюцинация, нет, вовсе нет, он, как было выше замечено, вполне реален, разумеется, как воплощённый в реальность дух, включая и реальность самого человека, превращая споро вершащуюся вокруг людскую жизнь в *антилюдскую антижизнь (нежить)*, а самого человека в столь же споро вертящегося по антижизни (нежити) *античеловека*, даже вроде бы вполне ещё человекоподобного, даже частенько напогляд чуть ли не благого, вроде бы вполне и человеческого, одним словом — *хорошего!*

Сатана с сатанизмом — феномен-событие вовсе не сегодняшнего дня, оно — не открытая вдруг явленность, однако вряд ли когда ранее *это всё* имело столь великое в бытии человека значение, — аккурат, кстати, с высокомерным отрицанием сего феномена-события «прогрессивным-де-человечеством» и в момент победы, пусть и мнимо-пирровой, этого «прогрессивного-де-человечества» над Природой, Землёй, космосом, чуть ли и не над мирозданием, не исключая и самого Бога-Творца!

Ежели Бога для человека нет, или же Он навсегда для него умер, то тогда есть *он* — *сатана*, берущий инициативу в свои руки, *осатанивая человека* и обращая его мир в *сатанамир*, эвтаназийно их — человека и мир — наконец-то в целом и осчастливливая.

Вообще сатана — вовсе не волосато-рогатый козёл или свирепый бык, да и вообще не страшный зверь, хотя сии жуткие личины ему символически совсем и не чужды, даже по-своему для него и характеристичны — внутренне, конечно, а вот внешне сатана вполне себе человечлив, представляясь зачастую вполне себе благообразным, уважаемым, нередко по-своему и красивым... *человеком*,

ибо как ещё привлечь человеке и в него войти, прельстить его, соблазнить, завоевать, а попросту — *осатанить*, и самое эффективное у сатаны для сего дела подспорье — полная для человеке свобода в желаниях и поступках при полном его — человеке — эгоцентризме, когда всё ему позволено и всё ради удовлетворения его эго, а уж матблагополучие с комфортом, потребительскими излишествами, непрерывным зрелищно-игровым пиршеством и телесными утехами тут уж идут в придачу.

Да, себялюбие, да, вседозволенность, да, алчность, причём всё это без ограничений, и вот уже на месте вроде бы человека — зверь, бес, нелюдь, пусть по виду и манерам вполне себе людское комильфо, однако... «Бог шельму так метит!», а вот как же Он метит сходу *осатаневающих неофитов*... о-о... поразному, конечно, но... непременно, а уж как конкретно... а что-о!.. разве ничего *такого* не видно, хоть у высших слоёв, хоть у низших, хоть у средних — тут уж всё одно?!

Сатанизм многолик, ловок, лукав, изворотлив, гибок, переливчат, блестящ, но при этом и стоек, и настойчив, и непреклонен, и последователен, и твёрд.

Сегодня на повестке — *экстраординарная историко-экзистенциальная схватка человека (всё-ещё-человека, ежели он ещё есть, а он всё-таки ещё есть!)* с охватившим зёмный мир сатанизмом, чуть ли уже не чувствующим себя полным надо всем зёмным человечеством победителем, а уж коли вдруг завязалась та же война улыбочивого Запада с давно очарованной тем же Западом Россией, как и встряло в повседневность противоборство не одного лишь Китая, а и почти всей незападнической части планеты со всё ещё круто агрессивным, пусть и выдыхающимся на своей длинной имперо-колониальной дистанции алчно-хищным Западом, да и вспыхнула та же горячая война на Украине всё того же Запада против всё той же с РФ-лицом России, то ничего не остаётся неангажированному наблюдателю, как прийти лишь к одному возможному ныне генеральному выводу, что вся эта противоборческая общемировая коллизия как раз немало и обусловлена триумфально раскинувшимся по всему миру сатанизмом, воинственно кинувшим человечество на край Бытия и Времени и, соответственно, вызвавшим, пусть ещё и не вполне осознанное человеком,

сопротивление всё-ещё-человечества пересотворяющему его с нечеловеческим энтузиазмом сатанизму.

Да, на бытийной поверхности всё выглядит как борьба уходящего Запада с остальным, при этом как раз восходящим, хоть и восходящим пока во многом по западному образцу, миром; как борьба США вкупе с Великобританией за продление англосаксонского общемирового господства; как война Запада с вдруг ставшей ему непокорной и ему тем невольно угрожающей Россией; как повсюду готовящееся столкновение великодержавных, вполне себе и имперских, мировых игроков за лидерское преобладание на планете; как борьба назревшей многополярности с надоевшей всему миру заносчивой однополярностью; как геополитическая схватка «моря» и «суши»; как борьба за избавление мира от набившего оскомину евроамериканского имперо-колониального культуртрегерства, вполне уже и антикультурного, античеловеческого и антимировского, как раз и сатанинского; как и попросту борьба за ресурсы, за пространство, за саму жизнь — да, это действительно всё так, однако... однако тут надо иметь в виду кое что из не очень бросающегося в глаза и в ум не то что обычному обывателю, каким бы он ни был умным, ловким и проницательным, а и нацеленному на понимание возникшей на планете необычно судьбоносной коллизии вполне себе подготовленному и опытному обозревателю-толкователю, какой бы гуманитарной аксиоматике с алгоритмикой он ни принадлежал, а именно, что коллизия сия, включая и ломку планетарного мира вкупе со всемирной войной, заметим, вообще-то уже *войной всех против всех*, возникла как единственно возможный ситуационный вариант вполне себе мучительного и жертвенного движения изрядно осатаненного и осатаневшего человека в борьбе с самим собой и своим же миром к чаемому софиасофией хозяйства *преображению* — ПРЕОБРАЖЕНИЮ!, да не просто чаемому, а и рассматриваемому софиасофией хозяйства в качестве реально возможного — как раз на ментально-проективных путях, пролагаемых этой самой софиасофией хозяйства, разумеется, движения не без разноплановой и многосторонней драки, через неё, а ежели повезёт, то уж и по её звёздным итогам.

Война всех против всех, ныне захватывающая так или иначе весь планетарный мир, *пришла* (да-да, именно так: *пришла*, хоть и была субъектно и событийно накликаема и развязана, причём пришла более *сама*, чем по чьей-то злой воле, хоть и не без этого, ибо она ведь давненько уже просилась в реальность, мало того, требовалась и самой реальностью, а главное, пришла как средство не просто очередного перестроения и переделки зёмного мира-бытия, но и какой-то *существенной перемены* — ПЕРЕМЕНЫ! — в человеке и в человечестве, их не более и не менее как, повторим, *преображения* — ПРЕОБРАЖЕНИЯ!

Такое преобразование, как видится софиасофии хозяйства, ежели свершится, то уже за пределами того, что мы привычно называем Бытием-Историей, оно реально возможно уже только там — «За», то бишь *за* бытием-историей, каким мы его себе представляем — и будучи войной человека, человечества и человеческого мира с самими собою — как раз с достаточно уже *осатанелыми* — война, вершась оттого немало и *по-сатанински* (особенно изошрённо, но при этом и особенно в интеллектуально-культурном отношении пошло, даже и глупо), призвана, освобождая мир, ещё человеческий по номиналу и уже античеловеческий по сути, от намертво захватившего его сатанизма, обеспечить и страдно-страдательное ПРЕОБРАЖЕНИЕ, о котором здесь речь, без возврата при этом к протекавшему и текущему до сих пор бытию-истории, что, кстати, всего труднее осознать, не прибегая к *инознанию* и *инонезнанию*, присущим *софиасофии хозяйства*, когда «Знаем, что не знаем, но при этом всё-таки *что-то* да знаем!».

Да, тут не что иное, как *софиалектика*, мало что *полилектика*, преодолевающая диалектику, выходя на больший познавательный простор и оперируя с нарочито не систематизированными (открытыми, неопределёнными, стохастическими, переменчивыми, многообразными) *целостностями*, так ещё и некая «*запредельная лектика*», оперирующая, а ещё более проницательно вглядывающаяся, в *Неизвестное* — *Иное* и *Неизвестное*, вовлекая в сие *мучительное переживание* (а чего-то иного, чем такое вот переживание, здесь и

быть не может!) *всё наличное и безналичное сразу*: человека, зёмный мир, Софию, Бога, мироздание, Вселенную!

На повестке сегодняшнего, завтрашнего и любого последующего бытийно-исторического (как и *за-бытийно-исторического*) дня не какое-нибудь всего лишь выживательно-производственно-потребительное, не имеющее к тому же мирозданческой меры хозяйство, а самое что ни на есть *софийное хозяйство*, чтущее мирозданческую меру и ведущееся как раз по-софийному софийно же преображённым человеком — *новым человеком*!

Возможно ли *такое*?!

Само по себе или по людскому уму — нет, такое никак невозможно, а вот посредством *софийной*, знаете ли, *войны* да не менее *софийной*, пожалуй что, *катастрофы* — вполне и возможно!

Почему же всё тут именно вот *так*?

Так ведь бороться-то людям надо не так с *себе подобными*, хоть это и надо, и чего, увы, «людям» не избежать, как... э-эх!.. бороться надо с *самими собою* и *своим же миром*, «тока-тока» вроде бы добытым в удовлетворение современникам трудом, потом, творчеством, кровью ушедших поколений и поколений, как раз уже миром основательно и рискованно обыскуственным, вполне уже и невозвратным, однако это не всё — бороться ещё надо с разогнавшимся вовсе не на шутку сатаногенным «разображением» человека и его мира, их окончательного превращения в свои окончательно сатанические антиподы, и, что самое главное, не пятясь при этом назад, даже и в XIX в. — в классику хомо-экзистенциальных жанров, что, кстати, частично удалось, да и то на историческое мгновение, Сталину со своим сталинизмом, а продвигаясь Вперёд в дебри Иного и в сельву Неизвестности, короче, совершить что-то явно Необходимое и в то же время явно Невозможное!

Преображение, о котором речь, просто так не дастся, как и само по себе оно не «придет», однако кое-какое Слово-Предтеча от всё-ещё-человека тут кое-что да значит, хотя бы как сингулярного пошиба идеальный отправной пункт или ментальный целевой ориентир, а вот *что* в итоге и в целом станет столь же неведомо, как и многое из ныне вокруг бытующего, как из бытовавшего ранее, а

ведь в том, что есть сегодня и что было прежде, как же много есть и было того, чего вовсе не есть сегодня и никогда не было прежде!

Знание тут переплетается с незнанием, однако не просто с пока будто бы неузнанным незнанием, а с субстанциальным незнанием, восходящим к Иному и Великой Неизвестности, чего и знать землянину не положено, однако без присутствия чего среди и вокруг сознания, ноосферы и памяти никакого сознания, никакой ноосферы и никакой памяти попросту и быть не может — вот тут какая выходит вещая загогулина, как и вылезает воистину вселенский парадокс!

Хозяйство для человека — его жизнеотправление, исключая внутриорганизменный физиологический процесс, что означает, что и жизнеотправление человека есть его хозяйство, а следственно и сам человек есть не что иное, как *хозяйство*. Человек ведёт хозяйство и самого себя посредством знаниевой ему известности, однако в окутывающей сию известность глобальной неизвестности, а потому и с постоянным учётом всей этой неизвестности, причём не только как шаг за шагом преодолеваемой познанием и действием, но и как *абсолютной неизвестности* тоже, отчего хозяйство ведётся хоть и не в кромешной незнаниевой тьме, но и не на полном знаниевом свету.

Ведя хозяйство и самого себя по волнообразной, прерывной и витиеватой дороге жизни-нежизни по направлению *от природы к неприроде*, человек, всё более и более что-то зная, всё более при этом выходит на абсолютную неизвестность и всё более вынужден иметь с ней дело, пусть и не особенно это осознавая, а в настоящее — XX—XXI вв. — время он — человек — уже в явном с этой непоколебимой неизвестностью в хозяйственно-экзистенциальном *конфликте*, из которого человек прогрессивный намерен-таки выйти победителем посредством созданного им *искусственного мира* и передачи его в ведение напористо ныне созидаемого уже немало обыскусственным homo sapiens вполне уже и всеохватывающего *искусственного разума*, который, заметим особо, как раз и станет заместителем всего внеприродно-сакрального, как раз и предстающего перед человеком хозяйствующим со стороны величественной

Неизвестности, что-де означает, что с непокорной неизвестностью для человека прогрессивного будет тем самым навсегда и покончено!

Вот она, главная хозяйственно-экзистенциальная коллизия подступающей реальности, выражающаяся в эсхатологической по напряжению и потенции онтологической схватке исходно природного (божественного, софийного) и выходно искусственного (человеческого, сатанического) миров, однако схватке с открытым конечным результатом, о котором современнику и сказать-то по сути нечего: беременное глобальной античеловеческой катастрофой, завершающей сакральный суперпроект «ПРИРОДА, ЗЕМЛЯ, ЧЕЛОВЕК», вполне уже технотроническое грядущее всё само и решит, правда, ежели ничто из сакрального Иного в сие надвигающееся грядущее ему наперекор спору не помешает, используя, в частности, своего непредсказуемого носителя-агента — *глубинную первородную Россию*, способную на непредвиденные «переменские» кульбиты, включая, заметим, и трансгрессивные!

Не то что линейная, а прямо-таки чёрт не знает какая, конфигурация экзистенциально-хозяйственного пути бытийно-исторического зёмно-космического феномена, обобщённо, хоть вовсе и не определённо, именуемого Россией (а *что* и в самом-то деле есть Россия, а-а, кто ответит?), показывает, что Россия, или *то*, что походя называется *Россией*, способна не просто на крупную бытийно-историческую импровизацию, но и, как было выше замечено, на почти что любой трансгрессивный кульбит, включающий и рискованный для себя и мира момент самоотрицания — вплоть до вовсе не кажущейся самопогибели, однако с непременным самовозвратом к себе самой, но, заметим, в существенно, а не только формально, изменённом виде.

России почему-то мало бывает эволюционных перемен (да и каких, зачем, куда?), она предпочитает, не слишком того, быть может, и желая, резкие, расчищающие бытийную площадку, открывающие путь для какого-то неизвестного нового и раздвигающие тем самым экзистенциально-хозяйственные горизонты, сломы и резкие, как раз и вызывающие во многом неизвестную новизну, скачки, причём поначалу с прыжком круто и далеко от себя, а потом уже с возвратным прыжком к себе, но уже к новой России, ранее

незнамо и какой, а в итоге к той, которая через посредство туда-сюда кульбитов сама собой и является.

Здесь сказывается не только феноменальное своеобразие России как безумной непредсказуемости, но и ноуменальная особенность России как страждущего незёмной необыкновенности в полном смысле слова фантастического *иноявления* — ИНОЯВЛЕНИЯ! — чего не выразить никакими словами, даже столь вроде бы ясными, как безумие, сумасшествие, бессознание, хоть и без слов этих никому из знатоков всего и вся бывает никак тут не обойтись.

Да, Россия и в самом деле *не от мира сего*, отчего и не вписывается она ни в какие сеюмирные экзистенциально-хозяйственные алгоритмы, не говоря уже об умозрительных, даже и самых что ни на есть добросовестных конструктах, отчего, кстати, доброхотные соотечественники, в особенности нынешние, никак для России не найдут подходящей и вполне, по их мнению, правильной идеологии, что, собственно, и понятно, ибо Россия — *сама-себе-идеология*, и в никакой надуманной, даже и бодро патриотической, идеологии она не нуждается, а ежели в чём она и нуждается, то лишь в сердечном себя признании, причём как немало во *внебытийно-внеисторическом*, то бишь и как много в *иномирном* — ИНОМИРНОМ!, факте, что сделать совсем не просто, а лишь веря в Россию как в *первую для всякого русского и для него же последнюю веру!*

Да, верить в Россию совсем не просто, куда как легче в неё не верить, а ещё привлекательнее, как говаривали в пушкинские времена, *бежать России*, либо прямо из неё убежать, аки из ада, конечно же, в иноземный рай, где как будто бы теплее, удобнее, покойнее, даже и человечнее; либо прячась понадёжнее в псевдорайском мирке в гуще фундаментально чуждой России; либо в ней не без проблем экзистенцировать протестно, желая России нероссийских перемен, за них и борясь; либо, уже на крайний случай, обернуться прямо против России, её откровенно, при этом, разумеется, скрытно, предавая, а уж кому её предавать, это-то всегда найдётся, ибо правильных врагов у России, неправильно занимающей огромное жизненное пространство, причём прямо в Этом, а не в Ином мире, предостаточно, не то что союзников, которых попросту нет, кроме, как известно, своей армии, своего флота, а теперь вот и своих ВКС.

И вот она — война — ВОЙНА!

Как ни крути, а война-то хоть и всемирная, пусть ещё и не тотально горячая, а на острие-то войны как раз... *Россия* — РОССИЯ! — которую надо бы если не уничтожить насовсем, то хотя бы подмять, унижить, захватить, ну и за счёт России поживиться, напитавшись её ресурсами, живительными соками и кровью.

Да, вся эта глобальная война — что всемирная (Запада против незападного мира, Востока и Юга против Запада, англосаксов против неанглосаксов, неанглосаксов против англосаксов, в общем — *всех против всех!*), что конкретная война против России и России в ответ за себя — тут в общем-то всё ныне едино! — война давненько уже просилась перейти из повседневно-латентной и конкурентно-сорежновательной в явную, уже особенно и нескрываемую, вполне себе «взрывчатую» войну, которая должна вроде бы окончательно уничтожить один планетарный мир, её — войну — и породивший — *евроамерикоцентричный*, он же экономический, имперо-колониальный, хищный, но при этом ещё и просвещенческий, гуманитарный, научно-технический, всё ещё природно-естественный, даже ещё и реальный, и как бы утвердить *другой мир*, уже вчерне повсюду нарисовавшийся — скорее, правда, пока более как потенция, чем свершившийся факт, однако о-очень заявочная на реальность потенция! — как раз *пост-человеческий пост-мир* — техноцентрический, технотроннототальный, не(сверх)природный, обыскусственный, не(а)социальный, не(а)гуманитарный, однообразно глобализированный, тотально виртуализированный, массообразный, со споро сокращающимся населением, электронно-механичный, дезо(а)культуренный, упрощённый, бес(а)смысленный, пустой, однако у сей своеобразной, не просто мировой, а более всего мировой, то бишь мировой войны против *этого* мира за какой-то *другой* мир, но, тут уж мы помечтаем, всё-таки за... *новый человеческий (и земно-космический) мир*... нет, не за социализм-коммунизм, хоть это и кажется кому-то не просто необходимым, но и возможным, как и не просто возможным, но и необходимым, а... за какой-то и в самом деле *иной мир*, как раз корреспондентный *преображению человека в какого-то нового человека*,

а человечество в какое-то новое человечество, пусть и преобразования тяжкого, жертвенного, кровавого, на путь которого, как кажется, и брошено всем зёмным бытием-историей, а может, и небесно-софийным покровительством тоже, из ряда зёмного вон выходящая и так сильно этот мир смущающая, если невольно не задевающая и даже не отвергающая ныне, как и столетие назад, вполне себе первопрородческая по назначению и, как тысячи лет назад, сакральная по предназначению Россия.

Мечты, мечты!

Но ведь и реалии тоже, отчего, может, и не стопроцентная уверенность, но и не безосновательная надежда на *то*, что Россия, жертвуя, но не пожертвовав собой, вырвется из объятий сатанической современности, станет *самою собою*, разумеется, вполне себе уже *иной Россией*, предложив и миру, ничего ему не навязывая, иное *жизнеотправление*: *Иное* в лице России должно-таки сойтись с сакральным *Иным*, что как раз и обеспечит возможность какого-то *иного* на Земле бытия, а иначе... э-э... не стоит об *этом* даже говорить!

Что-то да будет, как раз то, что явно предпочтительнее мёртвого на Земле безмолвия!